

Нашим любимым сестрам Аннализе и Марилиане

У моря нет родины, и оно принадлежит всем, кто захочет прислушаться к нему, с одного края до другого, где родится и умирает солнце*.

Джованни Верга. Семья Малаволя

---

* Пер. Анны Бонди.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мессина

1

Жители Мессины знали, что эту бурю, разразившуюся над городом в ночь с 27 на 28 августа 1904 года, они запомнят на всю жизнь.

В ту субботу из-за душающей жары на набережной было полно народа. Люди всех возрастов старались как можно дольше не возвращаться домой и, чтобы хоть немного освежиться, до позднего вечера прогуливались неспешным шагом под полной луной, почти скрытой за облаками.

— Посмотрите туда! Над морем смерч!

Одни ничего не замечали и продолжали прогулку, другие посчитали это просто дымовым облаком. Кто-то предположил, что это гроза, бушующая над континентом, по ту сторону Мессинского пролива. Трудно было понять в опустившейся тьме.

Тем временем темная масса на фоне серого неба становилась все более отчетливой и уверенно двигалась в сторону береговой линии, пока, наконец, вспышки молнии и мощные раскаты грома не развеяли последние сомнения. Люди бросились врассыпную, а матросы, появившиеся из ниоткуда, пробирались сквозь толпу к причалам, чтобы закрепить швартовы. Буря быстро приближалась к молу.

— Кровавый дождь, кровавый дождь! — воскликнула какая-то старуха, и женщины вокруг стали повторять ее слова, осеняя себя крестным знаменем.

— Святая Барбаредда*, защити нас!

— Что за чушь! — успокаивали их мужчины, одной рукой прижимая шляпы, а второй крепко держа жен под руку. — Этот ваш кровавый дождь — не страшнее минутного дождика в пустыне.

Они старались сохранять невозмутимость, но все же оборачивались и бросали тревожные взгляды на набережную, где под порывами ветра брызги накрывали даже статую Нептуна. Больше всего мужчины опасались, как бы не повторилась буря, опустошившая Галати прошлой зимой. «Все хорошо, все нормально. Бояться нечего», — говорили они, подталкивая жен к дому.

Промокший до нитки и запыхавшийся от быстрой ходьбы, Руджеро наконец добрался до своего дома, одного из первых в Палаццате. «Должно быть, — подумал он, встряхивая темной мокрой шевелюрой, — уже далеко за полночь». Он потерял счет времени, целуясь под аркой с молоденькой портнихой, и теперь ждал хорошей трепки от родителей (если они, конечно, не спят) за то, что поздно вернулся в такую грозу, будто в этом была его вина. Ему не хотелось лезть мокрой рукой в жилетный карман, чтобы достать часы, да и какой в этом толк? Руджеро на цыпочках поднялся по лестнице и, стараясь не шуметь, вставил ключ в замочную скважину. У двери он снял промокишие насквозь ботинки. «Вот черт!» — пробормотал он, заметив свет в кабинете отца. Должно быть, тот все еще работает или просто ждет его.

---

* Форма имени Барбара (Варвара). Святая Варвара — защитница от внезапной и насильственной смерти. — *Прим. ред.*

Надеясь остаться незамеченным, Руджеро на цыпочках прошел в свою комнату в конце коридора. Там он сбросил промокшую одежду и завалился на кровать. Он все еще ощущал запах девушки на своей коже, а рука помнила, как сжимала полную грудь под мокрым платьем. Розина — так она представилась — испугалась грозы и сбежала в самый неподходящий момент. «Эх, если бы не эта гроза», — думал Руджеро, воображая, что могло бы произойти дальше. Он достал французский журнал, спрятанный под кроватью среди учебников по юриспруденции, и забрался под одеяло. Вдруг раздался такой удар грома, словно молния ударила в двух шагах от дома.

Через мгновение в дверях появился Гульельмо в обнимку с подушкой почти такой же величины, как и он сам. Светлые кудряшки малыша были взъерошены, а пижамные штанишки, как всегда, сползли.

— Что ты здесь делаешь? А ну брысь отсюда!

— Я не могу заснуть.

Руджеро выругался и спрятал журнал под матрас. Затем, смягчившись, подвинулся, освобождая место для брата.

— Ладно, мелюзга, запрыгивай!

Гульельмо не мешкая пристроился рядом и свернулся калачиком. Комнату озарила очередная вспышка молнии. Они молча ждали раскатов грома.

— Думаешь, Колапеше* сможет удержать остров в такую грозу?

---

* Колапеше — человек-рыба, герой легенды, согласно которой он поддерживает три колонны, на которых покоится Сицилия. — *Прим. пер.*

— Кто-кто? О чем это ты?

— Ну, Колапеше. Мне Костанца рассказывала. Он держит наш остров!

— Это же сказка, глупыш!

Гульельмо замолчал и задумался.

— Но Коко...

— Почему бы нам не называть ее Костанца? Она уже не девочка.

— Ладно. Костанца теперь уедет от нас, раз она выходит замуж?

Руджеро нашарил на тумбочке спички и сигареты, поправил подушку, приподнялся и прикурил.

— Да, но не прямо сейчас. Может, через пару месяцев. А теперь спи.

Руджеро сделал пару затяжек. Он совсем забыл, что завтра помолвка Костанцы. Должно быть, из-за этого никто не заметил, как поздно он вернулся домой.

— Слава Богу, дождь прекратился!

Сквозь стеклянную дверь балкона Агата вглядывалась во все еще бурное море и небо цвета покровов Пресвятой Богородицы, как говаривала ее бабушка.

Агата вышла на балкон и содрогнулась под порывами ветра, которые проникали под легкую дамастовую накидку, брошенную поверх ночной рубашки. Но, по крайней мере, этот ветер разогнал последние тучи и унес удушливый воздух вчерашнего дня. Это северный ветер или сирокко? Агата вечно их путала, хотя Доменико много раз объяснял, в чем разница. Буря оставила следы по всему побережью: над рыбным прилавком дона Гаэтано сорвало

тент, а проспект Витторио Эмануэле превратился в сплошной ковер из сломанных веток, листьев, досок и мусора, которые плавали в лужах и загромождали трамвайные пути. Взглянув в сторону порта и чугунного здания рынка, Агата увидела, что туда свозят выкатившиеся на улицу бочки, каким-то чудом оставшиеся целыми. «Пресвятая Богородица!» — тяжело вздохнула она, будто ей собственными руками придется приводить все в порядок и устранять разрушительные последствия бури. Агата провела беспокойную ночь из-за ветра и проливного дождя, бивших в ставни, грохочущего, точно канонада, грома и мыслей о Руджеро, который в такую погоду был на улице! Наконец, услышав, что он пришел, она поблагодарила Деву Марию и провалилась в сон, не в силах отчитать сына.

Доменико в постели не было: наверняка он заснул на диване у себя в кабинете. Он поцеловал жену на ночь и сказал: «Я дождусь Руджеро и приду к тебе». Но вместо этого снова засиделся допоздна, изучая очередной трудный случай какого-то пациента. «Вечно он так. Совсем не заботится о своем здоровье», — думала Агата, умывая лицо в тазу.

Она надела халат, села перед туалетным столиком и тщательно причесала медно-рыжие волосы, чуть тронутые сединой. Что ни говори, а Костанце от нее достались светлая кожа и волосы, а от отца — широко расставленные, как у всех Андалоро, глаза и большие пухлые губы, придававшие ей несколько своенравный вид. Но это впечатление можно смягчить, если слегка припудрить лицо. Агата знала, каким хмурым и безжалостным бывает взгляд свекрови, а ведь у Костанцы она вот-вот появится. Надо бы напомнить ей, чтобы поменьше жестикулировала и тише

смеялась, когда придут гости на помолвку. Как же ей будет не хватать веселого смеха дочери!

Любезная и улыбчивая невестка — вот что нравится всякой свекрови. А уж этой свекрови и подавно. Кузина Иммаколата, которая все обо всех знала, сказала, что где-то слышала, будто в своей семье Мария Орландо прямо как мать настоятельница. Поладит ли она с Костанцей, которая все хочет делать по-своему? Агата собрала волосы в высокий пучок и закрепила локоны костяными шпильками. Только бы Костанца не вздумала заговорить о футболе и о том, как познакомилась с Альфонсо. Не дай Бог, свекровь узнает, что Костанца бывает на стадионе. Ох уж этот проклятый английский футбол! Доменико следовало бы запретить девочке ходить на футбольное поле, где столько иностранных игроков. Агата боялась, что дочь приведет в семью какого-нибудь англичанина или немца. Но отец и тогда бы пальцем не пошевелил, так же как ни слова не сказал о помолвке с Альфонсо, хотя заметно, что он не очень-то доволен. У Альфонсо все еще не было профессии, его содержал отец, а Доменико такое не одобрял. По его мнению, молодые люди должны брать на себя ответственность и самостоятельно зарабатывать на жизнь. Но, как бы то ни было, он предоставил дочери свободу выбора. Тем лучше. Альфонсо казался Агате хорошим, воспитанным парнем, к тому же он из приличной семьи. А это кое-что значит.

Агате все еще не верилось, что Костанца, ее малышка Коко, помолвлена и совсем скоро выйдет замуж. Ведь она еще такая юная! Для нее дочь навсегда останется малышкой Коко, но уже сегодня состоится помолвка, а там и свадьба не за горами. Нужно напомнить Доменико, чтобы

не называл ее Коко в присутствии жениха и его родителей. Костанце больше не нравится это прозвище, но отец любит поддразнивать дочь и невозмутимо продолжает свою игру. Кто знает, может, это из-за того, что он отказывается признавать: его дочурка стала взрослой.

Агата закрасила коричневым карандашом два-три седых волоска и, нанося на лицо и шею крем из розовой воды и глицерина, напомнила себе, что настало время для разговора о браке и обязанностях невесты. Да еще эта досадная ситуация с «женскими салфетками». Костанца обнаружила их в сундуке с приданым, когда его открыли, чтобы достать вещи, которые будут показывать на празднике, и спросила мать, зачем они нужны. Агата покраснела и пробормотала расплывчатое «Ты поймешь, они есть у каждой невесты». Она вздохнула. Предстоящий разговор смущал ее, она даже не знала, с чего начать. Ее покойная мать в свое время была избавлена от этих мучений, и к алтарю Агата пошла в полном неведении. Она вспомнила свою первую брачную ночь и улыбнулась. В последний раз оглядев себя в зеркале, Агата встала. Голова ее была забита многочисленными заботами. Одной бутылки ликера для женщин будет маловато, надо сказать кучеру, чтобы попросил еще две у золовки Джеммы, когда поедет за ней. Не все любят мандариновый ликер, да и какао тоже, хотя Агата не понимала, как можно устоять перед шоколадом из Модики. Погода обещает быть прохладной: уместно ли предложить гостям спумони*? Может, надо было заказать лимонную

---

* Десерт из нескольких слоев мороженого разных вкусов и цветов, иногда с орехами и цукатами. — *Прим. пер.*

и шоколадную пиньолату*, как предлагала тетя Джустина? Но теперь уже поздно, все распоряжения отданы.

Агата открыла ящик комода, чтобы достать список оставшихся дел, но тут ее внимание привлек футляр с коралловым ожерельем из Шакки, которое принадлежало ее матери. Она вынула его из коробки. До чего же красива эта подвеска в форме цветка, с капелькой внутри! Агата поднесла ожерелье к груди. Она наденет его вечером. Агата знала, что оно нравится Костанце. Дочь не раз намекала, как хочет получить его в подарок на свадьбу, — она еще не знает, что так и будет. Агата бережно положила украшение обратно в футляр, закрыла ящик и направилась на кухню.

Насыщенный электричеством воздух и грохот грома не помешали Костанце уснуть сладким сном невесты.

Она проснулась раньше обычного, взволнованная и счастливая. Спрыгнув с кровати, босиком побежала открывать ставни. Распахивая окна, она была уверена, что от ненастья, как часто бывает на Сицилии, уже не осталось и следа. И в самом деле, на улице сияло солнце, и даже ярче, чем обычно, словно Мессина хотела сделать ей свадебный подарок.

Теперь ничто не помешает гостям прийти к ней на праздник, и Костанца сможет надеть легкое платье из органзы, которое пару дней назад прислала Анна, портниха. «Жизнь прекрасна», — улыбаясь, подумала Костанца

---

* Небольшие кусочки теста, обжаренные во фритюре, которые складывают в виде пирамиды. — *Прим. пер.*

и устремила взгляд к горизонту, не обращая внимания на хаос, царивший в порту после шторма.

Костанца обернулась и оглядела свою комнату: белый кленовый комод, письменный стол, где она знала каждую царапину и каждое пятнышко, обои с ласточками, на которых сохранились ее первые рисунки, и почувствовала, что все это стало каким-то далеким, чужим. Мысли ее уже летели навстречу будущему дому и комнатам, которым предстояло принять ее в скором времени.

Костанца не смогла устоять перед соблазном снова надеть праздничное платье. Она уже примеряла его, но до сих пор не была уверена, действительно ли оно хорошо сидит. На ее эскизе платье не такое открытое, ведь она худая, да и грудь невелика, но мама и Анна решили сделать глубокое декольте. «Лето на дворе», — говорили они, стараясь убедить Костанцу, что так будет лучше. Но она ни за что не нацепит эти накладки, которые продают корсетницы, как предлагала портниха!

Костанца быстро скинула ночную рубашку и осторожно, чтобы не помять, надела платье. В целом то, что она увидела в зеркале, выглядело приятно. Сиренево-голубой цвет придавал ее светлой коже и большим голубым глазам особое сияние. Она была высокой стройной девушкой, и платье сидело на ней как влитое. Правда, плечи слишком оголены и ключицы чересчур выступают. Костанца подумала, что можно прикрыть декольте такими же цветами, которые будут в прическе. Длинные волосы медного цвета она заплетет в косу и уложит вокруг головы. Она тут же прикинула, как это будет выглядеть, но результат ей не понравился. Когда она станет замужней женщиной,

то придумает себе более современную прическу и избавится от этой девчоночьей косы. Наконец-то она будет делать то, что считает нужным, и ей не придется отчитываться перед мамой, тетей, братом и кем бы то ни было! Только отец всегда и во всем ее поддерживал. Он говорил, что она уже достаточно взрослая и может сама принимать решения и отвечать за свои поступки. Скорее всего, и на ее замужество он смотрел так же. В последнее время глаза отца часто застилала пелена грусти, которая исчезала, как только он замечал на себе чей-то взгляд. Может, ему не нравится Альфонсо или он переживает из-за того, что дочь скоро покинет дом? Костанце тоже не хотелось с ним расставаться. Только это и омрачало ее счастье. Не будет больше захватывающих приключений, которые устраивал для нее отец. Например, прогулок на лодке воскресным утром, когда он будил ее на рассвете и они тихо выбирались из дома, как двое мальчишек, пока мать не проснулась и не остановила их. Как же им было весело! В этот час море было гладким, как столешница. Отец платил какому-нибудь моряку, чтобы тот прокатил их до самого маяка, а Костанца забавлялась, высываясь из лодки и окуная руки в воду или забрасывая рыболовную сеть. Они приносили маме корзинку кефали, чтобы она не злилась, увидев дочь в мокрой одежде и с обгоревшим на солнце лицом. Приличные синьорины так себя не ведут! Наверное, мать права, и, к сожалению, теперь Костанце придется вести себя, как полагается замужней женщине. Она нахмурилась, но через мгновение, когда она отперла ящик стола и достала дневник, лицо озарила лукавая улыбка. Костанца в который раз прочла заветные слова: «Дорогой дневник, сегодня

мы поцеловались. Это было чудесно. Настоящий поцелуй, вроде тех, о которых Джузеппина рассказывала в школе».

Конечно, у нее бывали и другие поцелуи: легкие касания губ, от которых сердце билось быстрее, но этот — совсем другое дело. Костанца почувствовала себя уязвленной, когда Альфонсо резко отстранился от нее. Ему не понравилось? Может, он разочарован? Ведь она так непринужденно переступила все запреты, забыв материнские наставления о том, как должна вести себя приличная девушка. Она была готова целую вечность стоять, прижавшись к его груди.

Вот о чем думала Костанца. Ей предстояло сделать самый важный шаг в жизни молодой женщины того времени — помолвка, потом замужество и дети. Казалось, судьба ее предрешена, и отчасти она была этому рада. Зная, что ожидает ее в будущем, Костанца чувствовала себя спокойной. Правда, вместе с тем она понимала, что многие ее желания не соответствуют образу жизни замужней женщины. Она восхищалась сестрами Гонценбах, основательницами Женского института, в котором она училась. Они вели необычную жизнь: одна посвятила себя журналистике, а другая, та, что была ближе Костанце, собирала старинные сказки и легенды. «Значит, даже приличная женщина может делать то, что ей нравится, а не ограничиваться домом, мужем и детьми?» — спрашивала себя Костанца. Она не хотела упустить ни одного шанса, который могла предложить ей жизнь.

Костанца записала эти соображения в дневнике, как делала всегда, чтобы упорядочить свои мысли. Ей нравилось возвращаться к событиям прошедшего дня и не только радоваться хорошему, прекрасному и забавному,

но и размышлять об ошибках. Записывая все на бумаге, она могла посмотреть на свою жизнь более трезвым взглядом, словно со стороны. Анализируя совершенно неважные с виду мелочи, она улавливала смысл многих вещей. Это как увидеть что-то новое в человеке, рассматривая его фотографию: ты вдруг замечаешь неприметную ямочку на щеке, циничный взгляд или кривые ноги.

Аккуратно положив дневник на место, под папку с рисунками, Костанца достала с книжной полки партитуру романса, который собиралась спеть на празднике. Взгляд упал на ее любимые книги Жюль Верна, аккуратно расставленные на полке рядом с серией романов для девушек, которые она ни разу не открывала. Жюль Верн раньше принадлежал брату: он отдал ей книги, когда перешел в старшую школу и в книжном шкафу пришлось освободить место для учебников. Костанца буквально проглотила эти книги всего за несколько месяцев. Она заберет их в новый дом вместе со сборником сицилийских народных сказок на немецком языке, составленным Лаурой Гонценбах, — он всегда служил Костанце источником вдохновения для ее рисунков. Как знать, может, совсем скоро она будет читать их своим детям.

Интересно, цветы уже доставили?

Костанца надела туфли и быстро направилась в прихожую. Проходя мимо кабинета отца, она заметила под дверью полоску света. Наверное, он забыл выключить лампу. Но, скорее всего, просто заснул в кабинете, как часто случалось, когда он засиживался до глубокой ночи.

Костанца решила не стучать и тихо открыла дверь: ей хотелось удивить отца праздничным нарядом.

С порога кухни Агата увидела тетю Джустину. Несмотря на свои бо с лишним лет и ночную бурю, та уже всюю хлопотала в своем привычном фартуке в цветочек — насыпала на мраморный стол горку муки. И откуда у нее столько энергии? Агата бодро поприветствовала ее.

— Доброе утро, доброе утро. Наконец-то ты встала! — отозвалась Джустина. — Лед привезли!

— Боже мой, лед!

— Слава Богу, я велела Кармелине зайти к торговцу рыбой и заказать лед.

Тетя Джустина с глубоким вздохом закатила глаза, продолжая замешивать тесто костлявыми, узловатыми руками. Агата, ее племянница, — хорошая женщина, она обожает мужа и детей, но, как и ее покойная мать, совершенно непрактична, не умеет вести хозяйство и уж тем более управлять прислугой. Потому-то в этой семье каждый делает все, что ему вздумается. Прачка приносит белье, когда ей заблагорассудится; кучера вечно приходится разыскивать в порту, если нужно куда-то ехать. А Кармелина, эта худосочная килька, — просто нахалка! И как только Доменико взбрело в голову нанять горничную-неаполитанку, бестолковую недотепу, которая еще и делает вид, будто знает о стряпне все на свете? Уйма времени понадобилась, чтобы научить ее нескольким сицилийским рецептам! К счастью, тетя всегда любила готовить, но ей не под силу в одиночку организовать такой большой прием!

— Агата, надо поторапливаться, — сказала тетя, почесывая глаз тыльной стороной ладони. — Я делаю тесто для канноли. Их нужно штук 50, не меньше.

— Не меньше? А сколько же у нас гостей? — Агата достала из кармана список гостей и быстро просмотрела его. — Надеюсь, Антонино не явится вместе с Джеммой, а то они опять сцепятся с Доменико. Он не хотел его видеть, но, тетя, разве можно не пригласить старшего брата, да к тому же священника, если будет Джемма?

— А что с аранчини?

— Я сама ими займусь. Хорошо хоть, с рагу мы вчера управились.

— Если бы ее высочество Кармелина соблаговолила хотя бы протереть рикотту...

— Кофе только сварился, сами тогда наливайте, — нервно ответила Кармелина. — У меня всего две руки, не знаю, как я вообще на ногах держусь, после такой-то ночи!

— Кармелина, принеси, пожалуйста, банку с топленным салом! Нужно еще цукаты нарезать. Может, ты, Агата...

— Минутку, тетя. Дайте мне отдышаться! Разве вы не видите, что я до сих пор в халате? — сказала Агата, доставая из буфета чашки и блюдца для завтрака. — Сейчас мы со всем разберемся. Кармелина, я выпью кофе с господином Андалоро в его кабинете. Отнеси туда поднос с...

Внезапный громкий крик эхом прокатился по всему дому. Потом наступила еще более зловещая тишина.

Три женщины окаменели от страха перед свалившейся на них неизвестной бедой, которую они инстинктивно отказывались признавать. Но уже через мгновение они выбежали из кухни и столкнулись в коридоре с Руджеро; с лицом, покрытым мыльной пеной, он так спешил, что едва не сбил женщин с ног. Он первым вошел в кабинет,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru